
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖОРДЖА БУША-МЛАДШЕГО В ОТНОШЕНИИ ИРАНА

А.С. Сафонов

Кафедра новой, новейшей истории и методологии
Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005

В статье рассмотрен процесс формирования внешней политики США в отношении Исламской Республики Иран в период президентства Джорджа Буша-младшего. В центре внимания — основные факторы, оказавшие влияние на принятие решений американским руководством и внешнеполитические приоритеты США на иранском направлении.

Ключевые слова: ядерная программа Ирана, политика «сдерживания», неоконсерваторы, «ось зла», Большой Ближний Восток, демократизация, превентивная война.

Контур политики республиканской администрации в отношении Ирана были обозначены в 2000 году, когда К. Райс, занимавшая в тот период должность советника по внешнеполитическим вопросам кандидата в президенты Дж. Буша-младшего, опубликовала статью во влиятельном журнале «Форин афферс», где обратила внимание на то, что Иран представляет определенные трудности для Соединенных Штатов в ключевом для интересов США регионе — Ближнем Востоке. Подводя итог перспективам будущих взаимоотношений, К. Райс отметила, что «для изменения политики США в отношении Ирана потребуется изменение иранского поведения» [16]. Однако, по данным ЦРУ, Исламская Республика Иран (ИРИ) продолжала деятельность, вызывавшую серьезные озабоченности Вашингтона на протяжении 1990-х годов. Это было отмечено, в частности, в выступлении директора ЦРУ Дж. Тенета перед сенаторами США 7 февраля 2001 г. [11].

В конечном счете, в Белом доме пришли к выводу, что укрепление в ИРИ авторитарных сил стало следствием излишне либеральной политики демократов. Поэтому было решено, признавая в целом приемлемость общего курса в отношении Ирана («политика сдерживания»), несколько изменить подход, придав ему жесткости и бескомпромиссности в соответствии с неоконсервативными установками. Как отметил академик Е.М. Примаков, «Правому окружению президента Буша все больше импонировала идея неоконсерваторов, считавших исторической миссией Соединенных Штатов силовое навязывание устоявшейся на Западе модели демократии всем странам, которые, как они полагали, в этом испытывают нужду» [4. С. 37].

В этот период представительство неоконсерваторов в Белом доме, Государственном департаменте США и Пентагоне было наиболее внушительным. Причем высокопоставленные неоконсерваторы практически все были специалистами по Ближнему Востоку. «Определяющей характеристикой внешней политики администрации Буша, фактически, было то, что неоконсерваторы в кабинете и за его предела-

ми были способны выиграть много ключевых баталий — если не в первом раунде, то во втором или третьем» [15]. Наиболее явно такой расклад можно было наблюдать в течение первого президентского срока Джорджа Буша-младшего.

Сохранение Белым домом «политики сдерживания» в отношении Ирана в этот период можно объяснить в первую очередь тем, что процесс трансформации внешнеполитического курса США проходил достаточно медленно. Однако направления, на которых предполагалось сосредоточить основное внимание, в общем, были намечены. В частности, с начала 2001 года окружение избранного президента Дж. Буша готовилось к серьезным действиям на Ближнем Востоке, анализируя внешнеполитический опыт администрации Клинтона и проводя в связи с этим «углубленные дискуссии по поводу Афганистана, Ирака и другим целям в регионе» [6. С. 120]. Ситуация вокруг и внутри Ирана также анализировалась с тем, чтобы на основе выявленных тенденций ее развития внести коррективы во внешнеполитический курс США в отношении этой страны.

В целом теократический режим в Иране воспринимался республиканским кабинетом как враждебный, причем уровень неприятия был выше, чем у демократов. Связано это было преимущественно с многократно декларируемым намерением иранского руководства «ликвидировать» Израиль, что крайне остро воспринималось неоконсерваторами. Крайне сильным раздражителем была и иранская ядерная программа.

Мантра «неоконов», по меткому замечанию А.И. Уткина, гласила: «величайшей опасностью для Америки сегодня является возможность создания одним из «rogue states» («агрессивных государств») или террористической организацией ядерного оружия, которым оно может снабдить диверсионные группы, стремящиеся проникнуть в Соединенные Штаты» [6. С. 110]. Отсюда и более негативная реакция, например, на некоторые аспекты сотрудничества Ирана с третьими государствами, в первую очередь с Россией. «Мы не должны питать иллюзии, — писал по этому поводу в своей статье помощник государственного секретаря по вопросам нераспространения Д. Вулф, — Иран настойчиво стремится приобрести ядерное оружие и активно ищет иностранную помощь, необходимую ему для достижения этой цели» [1. С. 8]. Весьма недвусмысленное заявление. Оно в полной мере отражает особенности интерпретации целей и задач политики ИРИ теми американскими чиновниками, которые в своей деятельности руководствовались неоконсервативной идеологией.

Не менее предвзятой была позиция республиканцев по вопросу о степени поддержки Ираном терроризма. Во время оглашения приговора исполнителям террористического акта, совершенного в 1996 г. в Саудовской Аравии, в результате которого погибли 19 американских военнослужащих, Соединенные Штаты упомянули Иран среди организаторов этого преступления, несмотря на то, что среди непосредственных исполнителей граждан Ирана не наблюдалось. В своем официальном заявлении относительно приговора, вынесенного 21 июня 2001 года, министр юстиции США Д. Эшкрофт, фигура, близкая к президенту Бушу, отметил: «Обвинительный акт говорит о том, что представители иранского правительства

вдохновляли, поддерживали и контролировали членов «Саудовской Хезболлы» [9], совершивших этот террористический акт.

С самого начала в администрации Буша наметилось противостояние двух группировок. Первая, так называемая «группа Рамсфельда — Чейни» (или «демократические империалисты»), выступала за силовую, агрессивную, преимущественно одностороннюю внешнюю политику. Именно она испытывала наибольшее влияние неоконсерваторов (Л. Либби в аппарате вице-президента; П. Вулфовиц, Д. Фейт, Р. Перл в Министерстве обороны США), являясь стойким апологетом интенсивной «демократизации» Большого Ближнего Востока.

Другая группа была представлена Государственным секретарем США К. Пауэллом и его первым заместителем Р. Армитиджем, отстаивавшими тезис о необходимости координации действий США со своими союзниками и приоритете дипломатических средств над силовыми способами борьбы с существующими угрозами. В этой закулисной борьбе преимущество было за сторонниками силовой линии, поскольку в их рядах присутствовали собственно люди президента Буша (Р. Чейни, Д. Рамсфельд), которые в силу этого качества были способны более эффективно добиваться одобрения своих инициатив главой Белого дома. Соотношение сил в администрации Буша нашло отражение в общей линии Вашингтона в отношении Ирана, отчетливо проявлявшейся в заявлениях высокопоставленных американских чиновников.

Советник президента по национальной безопасности К. Райс первоначально занимала нейтральную позицию в этом противостоянии, но по взглядам была ближе к «демократическим империалистам». К. Райс считалась наиболее приближенной к президенту Бушу фигурой (и единственным специалистом по международным отношениям в рядах «демократических империалистов»). При ней Совет национальной безопасности США, аккумулируя в себе различные внешнеполитические предложения и инициативы, стал, на наш взгляд, главным в принятии окончательных внешнеполитических решений. Отсюда проистекало и решение продолжать «сдерживание» Ирана. Осознавая сложность иранской действительности, обусловленную тесным переплетением консервативных и либеральных начал в политической и общественной жизни ИРИ (уровень реальных демократических свобод в Иране оценивался выше, чем, к примеру, в Саудовской Аравии), такой подход представлялся К. Райс наиболее оптимальным на тот момент. Иранское направление внешней политики США находилось под контролем К. Райс на протяжении всего периода деятельности администрации Буша-младшего.

Скепсис по поводу способности иранских «реформаторов» эффективно отстаивать и продвигать свою политическую линию укреплял намерение неоконсерваторов свергнуть режим клерикалов, заменив его проамериканским, наподобие того, который существовал в Иране до 1979 года. Давление неоконсерваторов на администрацию было весьма ощутимым и давало результат. И президент Буш, и вице-президент Чейни были тесно связаны с крупными корпорациями, принадлежащими к нефтегазовой индустрии. «И мы видим, — отмечал американский эксперт Ч. Льюис, — совпадение бизнес-интересов крупных корпораций с политическими целями неоконсерваторов» [7. С. 90].

Стратегия «демократизации» Большого Ближнего Востока обеспечивала идеологическое прикрытие сугубо практических целей, связанных с созданием благоприятных экономических и политических условий для присутствия США в регионе и, как следствие, деятельности там американских компаний. Контроль над ведущими государствами региона являлся обязательным условием для успешной реализации стратегии. ИРИ входило в число таких государств. В этой связи характерно утверждение эксперта М. Роудса, что «при подготовке интервенции в Ирак в политических кругах Вашингтона часто цитировалась такая поговорка: «Все хотят в Багдад, а настоящие мужчины хотят в Тегеран» [5. С. 119].

Террористические акты 11 сентября 2001 года привели к тому, что в администрации Буша укрепились позиции деятелей, отстаивавших принцип «односторонности» в международных делах. Неоконсерваторы получили возможность на практике реализовать свои теоретические установки, что отразилось, в том числе, и на дальнейших действиях США в отношении Ирана. Поскольку руководители ИРИ, пусть и обоснованно, выразили несогласие с принципами формируемой под началом США антитеррористической коалиции и выступили с осуждением начавшейся военной операции в Афганистане [3], то это прибавило аргументов сторонникам жесткой линии в администрации Буша. Они могли теперь трактовать принципиальную позицию Ирана как нежелание отходить от проводимой клерикалами на протяжении нескольких десятилетий деструктивной политики.

29 января 2002 года президент Буш, выступая в Конгрессе, крайне резко отреагировал на позицию ИРИ. «Некоторые из этих режимов, — сказал президент Буш, явно намекая на Иран, — вели себя достаточно спокойно после 11 сентября. Но мы знаем их настоящую сущность». В отношении Ирана глава Белого дома заявил следующее: «Иран продолжает агрессивное стремление овладеть этим оружием (массового поражения — А.С.) и экспортирует террор, в то время как горстка неизбранных деятелей продолжает подавлять надежду иранского народа на свободу» [18].

Президент Буш, таким образом, указал в разделе об Иране два наиболее весомых аргумента в пользу агрессивных действий США в отношении этой страны. Отдельного внимания заслуживает высказанный главой Белого дома тезис о «надежде иранского народа на свободу». Озвучивание этого аспекта иранской действительности можно рассматривать как то, что, с точки зрения США, в ИРИ имела благоприятная среда для воздействия непосредственно на иранское общество как извне, так и изнутри, используя необходимые финансовые средства для организации проамериканской пропаганды и агитации, а также ресурсы специальных служб для ведения подрывной деятельности. Иными словами, успешное осуществление государственного переворота в Иране посредством народного восстания представлялось американцам выполнимой задачей. «Мы продолжаем оставаться с народом Ирана в вашем поиске свободы, процветания, честного и эффективного правительства, справедливого суда и господства закона. И мы продолжаем призывать правительство Ирана с уважением относиться к пожеланиям своего народа и считаться с ним» [10] — отмечал президент Буш, в заявлении которого явно прослеживалась неудовлетворенность существующей в Иране политической системой.

Подобный подход сводил к минимуму необходимость использования военных методов, применение которых в условиях интенсивной подготовки к силовой акции в отношении Ирака, с точки зрения «демократических империалистов», было бы нецелесообразно. Сформулированная к этому времени министром обороны Д. Рамсфельдом концепция новой военной доктрины США подкрепляла данную установку на официальном уровне. Примечательно, что, признавая возможность эффективно сражаться с двумя агрессорами, последующая контратака американских войск, захват столицы и смена режима предусматривалась в отношении лишь одного из них. Это важный момент. Американскому политическому истеблишменту было ясно, что смена режима военным путем в ближайшее время будет осуществлена в Ираке. При таком раскладе вопрос о военной операции на территории Ирана для свержения клерикального режима мог быть поставлен военно-политическим руководством США только после завершения иракской кампании. «Я не люблю предсказывать то, что мы будем делать или не будем. И мой старый друг, Дон Рамсфельд, был бы всецело на моей стороне по вопросу должен ли я предсказывать военные операции» [13], — выразил свою позицию вице-президент Чейни, отвечая на вопрос журналиста о возможности военной операции в Иране.

Глава Пентагона одним из первых среди официальных лиц упомянул о вероятности ведения так называемой «превентивной войны». Смысл этого понятия выходил за рамки общепринятого понимания войны как столкновения армейских подразделений воюющих сторон на поле боя. Оно имело более широкий смысл, схожий, скорее, с войной против терроризма, объявленной Белым домом после терактов 11 сентября 2001 г. и предполагавшей также действия иного, невоенного характера. Поэтому «превентивная война» могла включать в себя тайные операции специальных американских подразделений на территории врага, санкции различного рода с целью изоляции враждебного режима, дипломатические баталии в рамках международных организаций и двухсторонних контактов, информационную войну. «Наша цель, — заявил в этой связи глава Пентагона, — не просто сражаться и побеждать, но и попытаться предотвратить войны. Поступая так, нам необходимо определить пути воздействия на тех, кто разрабатывает и принимает решения в стане потенциальных противников, удержать их не только от использования существующего вооружения, но, насколько это возможно, попытаться в первую очередь отговорить их от новых опасных разработок» [19]. Последний тезис министра прозрачно указывал на иранское религиозное руководство, поскольку именно они «разрабатывали и принимали решения» в Иране.

Другой важнейший момент, на который стоило бы обратить внимание, примечателен тем, что в концепции «превентивной войны» прослеживается намерение действовать поочередно. Принцип «поочередности» при формировании американской внешней политики в той или иной степени разделялся всеми влиятельными членами кабинета Джорджа Буша-младшего и учитывался при планировании действий Белого дома в отношении Ирана. Причисление Ирана и Ирака к режимам, составляющим «ось зла» (29 января 2002 года), стало этапным в реализации данного принципа на Ближнем Востоке, хотя и преследовало в тот период в первую

очередь психологическую цель. По-своему интерпретируя принципиальную позицию иранского руководства, в Вашингтоне посчитали свершившимся фактом победу консервативных тенденций в политике ИРИ и, как следствие, неудачу иранских «реформаторов» в реализации своего курса. Авторитетный американский эксперт Дж. Кемп прямо указывал, что причиной включения Ирана в «ось зла» стало «разочарование президентом Хатами и его неспособностью бросить вызов сторонникам жесткой линии в Иране и вступить в прямой диалог с американским правительством для решения наиболее существенных проблем» [14].

Инициатором включения Ирана в «ось зла» бывший спичрайтер президента Буша Д. Фрамм называет К. Райс [12]. Данный факт подтверждает тезис о том, что иранское направление политики США развивалось в соответствии с замыслом К. Райс как советника президента США по национальной безопасности и находилось под ее контролем. Руководителям ИРИ, в первую очередь сторонникам жесткой линии в отношениях с США, давался вполне определенный сигнал, что Вашингтон намерен действовать решительно и агрессивно. В то же время отхода от принципа «поочередности» не наблюдалось. Ближайшей целью военной атаки со стороны США оставался Ирак. Иракская кампания «стала ключевым пунктом в той системе мер по демократизации БВВ (Большого Ближнего Востока — А.С.), которую начало осуществлять военно-политическое руководство США, тем более что ключевые позиции в нем, включая пост президента, к этому времени занимали представители Республиканской партии США, тесно связанные с нефтяными корпорациями» [2. С. 9].

Однако, несмотря на то, что в мае 2003 года президент Буш объявил о победе в Ираке, ситуация в этой стране оставалась сложной. О выводе оттуда американских войск для организации наступления на Тегеран не могло быть и речи. В Белом доме начали постепенно пересматривать свою тактику в отношении Ирана. Тем более, что США включились в активную борьбу против талибов в Афганистане, хотя это не исключало полного прекращения работ по планированию американцами военной операции против ИРИ. Появлялись периодические сообщения в прессе о возможных военных ударах США по Ирану. Основания для таких публикаций наверняка имелись. Но политического решения об инициировании военной кампании в отношении ИРИ, как мы знаем, не было принято вплоть до истечения президентского срока Джорджа Буша-младшего 20 января 2009 года.

В Белом доме осознали невозможность свержения теократического режима в ближайшей перспективе, поскольку военное вторжение в Иран было бы немыслимо в условиях военной вовлеченности США в Ираке и Афганистане. Необходимо было искать иные способы «демократизации» Большого Ближнего Востока. Поэтому с 2005 года в Белом доме было решено полностью сосредоточиться на раздувании иранской ядерной проблемы, которая к этому времени стала объектом пристального внимания международного сообщества. Поскольку становилось все более очевидным, что враждебный США режим в Иране сохранится, Белому дому необходимо было не допустить даже теоретической возможности того, чтобы Иран получил технологии для производства ядерного оружия. Связи

Вашингтона с Израилем сыграли здесь не последнюю роль, поскольку ядерные амбиции Тегерана нервировали Тель-Авив.

При решении этой проблемы окончательно наметился отход США от принципа «односторонности»: из Вашингтона неоднократно исходили заявления о необходимости формирования международной коалиции и намерении действовать через международные организации, в первую очередь Совет Безопасности ООН. Усилия европейской «тройки» и России по урегулированию ситуации вокруг ядерной программы оказались весьма подходящим инструментом для реализации нового подхода Вашингтона к решению иранского вопроса. Белый дом готов был пойти на заметное изменение своей позиции для того, чтобы добиться «замораживания» Ираном процесса обогащения урана. На встрече американского и российского президентов в сентябре 2007 года В. Путин сказал своему коллеге, что можно даже позволить иранцам заявить, что они уже освоили необходимые технологии. «И Буш, и Райс согласились с такой постановкой вопроса» [4. С. 219]. Формальный учет мнения В. Путина давал американцам возможность втянуть Россию в антииранскую кампанию, что, в контексте намерений американцев «протолкнуть» в СБ ООН более жесткую резолюцию по Ирану, было немаловажно.

На протяжении второго президентского срока Дж. Буша-младшего Белый дом, по сути, следовал курсом, который наметился после террористических актов 11 сентября 2001 г. Только в случае с Ираном американцы действовали теперь исключительно в рамках дипломатического поля. По крайней мере, официально, поскольку периодически появлялась информация о том, что Белый дом планирует тайные операции в Иране для подрыва позиций правящего клерикального режима.

Действительно, из Белого дома, на который давили Пентагон и Конгресс, с 2003 года исходили заявления о намерении организовать переворот в Иране посредством народного восстания (так называемая «мягкая» смена режима) [8]. Представляется, что в первую очередь именно для этих целей государственный департамент запросил у Конгресса дополнительные ассигнования в размере 75 миллионов долларов. Полученные средства предполагалось использовать для продолжения политики, проводимой, по словам главы американской дипломатии, на протяжении более чем двух лет, и направленной на реализацию проектов, «способствующих иранским гражданам в их призывах к политической и экономической свободе, свободе слова и уважению прав человека». «Эти деньги, — отметила в своем выступлении К. Райс, — позволят нам усилить нашу поддержку демократии в Иране, улучшить наше радиовещание на эту страну, начать спутниковое телевидение, расширить контакты между нашими народами, поддержать усилия в сфере публичной дипломатии» [17].

В данном контексте скрытая деятельность специальных американских подразделений в Иране выглядит понятной. Их цель могла заключаться в поиске и мобилизации оппозиционных сил, в том числе из числа национальных меньшинств.

Администрация Джорджа Буша-младшего, таким образом, не отказалась окончательно от намерения свергнуть иранский режим. Однако с 2005 года эта

цель перестала носить неотложный характер военной операции в силу указанных выше причин. Белый дом предпочел вновь сосредоточиться на «сдерживании» Ирана. В данном случае «сдерживание» было направлено против иранской ядерной программы. Главная роль в разработке и реализации политической линии в отношении ИРИ (особенно после вступления в должность Госсекретаря в 2005 году) принадлежала К. Райс. Результат — акцент Белого дома на дипломатическое давление с целью решения проблемы. Однако приверженность неконсервативным взглядам сохранялась, что проявлялось в достаточно жесткой позиции на переговорах, временами агрессивной риторике и сохраняющемся намерении добиваться смены режима в Иране, мотивируя это необходимостью обеспечить иранскому народу демократический строй, к которому он, якобы, очень сильно стремится.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вулф Д. Подходы США к нераспространению // Внешняя политика США. — 2002. — Т. 7. — № 2. — С. 7—12.
- [2] Гусейнов В.А. Стимулы демократизации Большого Ближнего Востока // Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации / Отв. ред. В.А. Гусейнов. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
- [3] Независимая газета. — 3.10.2001.
- [4] Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М.: ИИК «Российская газета», 2009.
- [5] Роудс М. Ядерная программа Ирана: варианты действий США после выборов // Connections. The quarterly journal. — Лето 2005. — С. 117—124.
- [6] Уткин А.И. Удар американских богов. — М.: Алгоритм, 2006.
- [7] Эксперт. — 2005. — № 14.
- [8] Financial Times. — 17.06.2003
- [9] Attorney General Statement. 2001. June 21. URL: <http://www.usdoj.gov/opa/pr/2001/June/275ag.htm>
- [10] Bush George W. Radio Remarks to the People of Iran. 2002. December 21 // Public Papers of the Presidents. George W. Bush. Book II. 2002. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=64835&st=Iran&st=>
- [11] DCI's Worldwide Threat Briefing. Statement by Director of Central Intelligence George J. Tenet Before the Senate Select Committee on Intelligence on the «Worldwide Threat 2001: National Security in a Changing World». 2001. February 7. URL: https://www.cia.gov/news-information/speeches-testimony/2001/UNCLASWWT_02072001.html
- [12] El Pais. 9.01.2003. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20030109\168502.html>
- [13] Interview of the Vice President by Jim Angle of Fox TV News. 2001. December 11. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=85609&st=Iran&st1=>
- [14] Kemp G. Iran and the Axis of Evil // Edition of Al-Ittihad. 2002. February 10. URL: <http://www.nixoncenter.org/publications/articles/021002/axis.htm>
- [15] Marshall J.M. Remaking the World: Bush and the Neoconservatives // The New York Times. 2003. November/December. URL: http://www.nytimes.com/cfr/international/20031101FAREVIEWESSAY_v82n6_marshall.html
- [16] Rice Condoleezza. Campaign 2000: Promoting the National Interest // Foreign Affairs. Vol. 79. № 1. January/February 2000. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20000101faessae5-p20/condoleezza-rice/campaign-2000-promoting-the-national-interest.html>

- [17] *Rice Condoleezza*. Realizing the Goals of Transformational Diplomacy. Testimony before the Senate Foreign Relations Committee. 2006. February 15. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2006/61209.htm>
- [18] The President's State of the Union Address. 2002. January 29. URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>
- [19] «21st Century Transformation» of U.S. Armed Forces. Remarks as Delivered by Secretary of Defense Donald Rumsfeld. National Defense University, Fort McNair, Washington, DC. 2002. January 31. URL: <http://www.defenselink.mil/speeches/speech.aspx?speechid=183>

EVOLUTION OF GEORGE BUSH (JUNIOR) ADMINISTRATION POLITICS TOWARDS IRAN

A.S. Safonov

Department of Modern, Contemporary History and Methodology
Moscow State Regional University
Radio Str., 10a, Moscow, Russia, 105005

The article describes the process of formation of the U.S. foreign policy towards the Islamic Republic of Iran during the presidency of George Bush (Junior). In the center of attention — the key factors that influenced the American leadership and foreign policy priorities towards Iran.

Key words: Iran's nuclear program, politics of containment, neoconservatives, axis of evil, Great Middle East, democratization, preventive war.